

Григорий Померанц

Ось волчка

Как писал Козьма Прутков, первый шаг младенца – это первый шаг его к смерти. К сожалению, это так и есть. Человек прощается с детством, с юностью, со зрелостью – и наконец с жизнью. Так и цивилизации. Двигаясь вперед, развиваясь, они все всё труднее связывают разбежавшиеся силы в одно целое – и рушатся. Или, на краю гибели, восстанавливают центростремительную волю. При этом с корабля цивилизации выбрасывается, как балласт, многое из того, чем она прежде гордилась. А потом вылавливают из забвения и склеивают, возрождают древность.

Мудрецы это понимали, особенно в Индии и в Китае. Веды долгое время запрещалось записывать. Текст беззащитен, его можно толковать на сто ладов и в том числе – криво толковать. Вместе с философией рождается софистика. Но рукописная книга – еще редкость, она не достает до народа. Катастрофой духовной иерархии был печатный станок. Он принес Библию в каждую семью и сделал каждого сапожника богословом. Следующим шагом просвещения, вырвавшегося на поверхность и потерявшего глубину, была газета. Марина Цветаева отказывается от родства с «читателем, газетных тонн глотателем, доильцем сплетен. Двадцатого столетья он, а я – до всякого столетья».

Но еще дальше от мудрости, в которую надо долго вникать, еще дальше от чувства целого телевидение. Его можно повернуть вглубь и приблизить к непосредственной встрече с истиной, минуя книгу, глядя в глаза мудрецу. Я помню рождественскую передачу Антония Сурожского, помню Великого инквизитора Достоевского, гениально пересказанного Михаилом Ульяновым. Но эти прорывы совершены людьми, воспитанными до голубого экрана, – на книге, святой или классической, сохранившей неявную связь с той же святыней, сохранившей опору на внутреннее пространство, о котором мы еще будем говорить. У этих людей есть интуиция, сразу отбрасывающая пошлость. Само телевидение таких людей не создает, так же как рынок не создает добропорядочности в рыночных сделках. Инерция СМИ толкает к поверхностности и бесчестности.

Чтобы не стать марионеткой, которую дергают пиары, человек должен с юности бороться за свое внутреннее пространство. Я не могу дать никаких общих правил такой борьбы. Только поделиться своим личным опытом. Но об этом я уже писал в «Записках гадкого утенка». В конце концов, я нашел в лесу, в море, в приморских холмах царствие вне нас, которое перекликалось с царствием внутри нас и помогало его искать. Другие находят помощь в храме. Но вот вопрос, почему чувство высоты связано с гордостью, а на полдороге в

глубину расположилась «глубинная психология» с ее исследованием неосознанных порывов. В поисках решения мы читали мистиков Запада и Востока, не придавая большого значения различиям символов, впитывая, по мере сил, их опыт, расширяющий наш собственный опыт подлинной глубины. Это нельзя рассказать мимоходом. Этому вопросу посвящена следующая статья. Цивилизация – еще более сложная система, чем энергосеть, которая то и дело рвется.

Цивилизация (одинокая, как Тибет, или целый субглобальный мир) – это культура, хранящая на своих скрижалях святое предание и открытую систему знаний о предметном мире. То и другое уравнивает друг друга – постоянное расширение научного опыта и постоянное же стремление к святой цельности. Сегодня равновесие потеряно. Науки так быстро разбегаются, что в мелькании нового почти потерялось святое и вечное, потерялась ось, на которой держатся спицы колеса Дхармы и резко увеличилась опасность развала культуры. Правда, народы и в прошлом не слишком понимали Предания, хранившие опыт отдачи себя Глубине, но смутно сознавали здесь Тайну и покорялись ей. Как мы покоряемся любви. Сохранялась радость служения высшему. Сегодня она исчезла, уступив место эгоистическим поискам наслаждений. Сердце, способное на полноту любви, стало редкостью. Исчезают ступени к божественной любви, хранящей мир от разрушения. Стержень волчка распадается, и куски летят во все стороны.

Это общая проблема, не только России. Но Россия, у которой вода подходит к горлу, либо первая погибнет, либо (это с ней бывало в прошлом) совершит что-то непредсказуемое, как победа над смутой, как победа под Москвой в 1941 г. Мало вероятно. Но надежда умирает последней.